

ДВИНСКИЙ БЕРЕЖОК

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

№6 ОКТЯБРЬ 2017 ГОДА

• Памятники Тверской провинции

ЖЕНЩИНЕ-СТАРИЦЕ

Памятник 700-летию города установлен в 1990-х годах на площади, рядом с гостиницей «Волга». Он представляет собой фигуру женщины – старицы. В одной руке старица держит посох, а в другой – свиток. Скульптурное изображение женщины-старицы возвышается на огромном валуне, снабженном табличкой с надписью: «В лето 1297 срублен бысть городок на Волзе, ко Зубцову на Старице» (таким образом Старица впервые была упомянута в летописи в 1297 году).

По преданию, еще до монгольского нашествия (до 1237 года) на месте современного города Старицы располагалось другое поселение. Оно было полностью уничтожено монголами. В живых осталась одна-единственная старая женщина – старица, укрывшаяся от монголов в пещере. Она же укрывала в пещерах ребятишек. От этой женщины-старицы будто бы и получил название новый город, основанный в 1297 году Михаилом Ярославичем Тверским. Как бы то ни было, но мы знаем, что название «Старица» закрепилось за городом только в конце XIV – начале XV веков. А вот свой герб с изображением все той же Старицы с посохом уездный город Старица Тверского наместничества получил в 1780 году.

« ДО КАДРА ВСЁ ПОМНЮ ... »

Юрий НАЗАРОВ,

г. Осташков

Юрий Назаров родился в 1963 году на острове Городомля Осташковского района, закончил на острове среднюю школу и по окончании поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Затем служил в армии офицером в Азербайджане на должности командира взвода. После службы вернулся в Осташков и работал механиком. В перестроечное время открыл своё дело: начал изготавливать корпусную мебель на индивидуальный заказ, чем и занимается по настоящее время.

Писал стихи с детства, не утруждая себя заниматься ими серьёзно; в студенческое время, работая в студ. отряде проводников, писал прозу о своих путешествиях по СССР. Издал 4 сборника стихов.

ОСТРОВОК

Есть островок на этом свете,
На карте маковым зерном
Он не отмечен, но на почте
Есть просто «ящик» с номерком.

Он не воспет пером поэта,
Закрыт стеной для лишних глаз,
И люди тут не Робинзоны, –
В трубу не глянут лишний раз
За горизонт, чтоб удивиться,
Что там живут не лучше их,
И так же лопают картошку,
И пьют по-русски на троих.

Есть островок – там в каждом доме
Остались старые углы,
Со стороны не выпирают,
Но уязвят большей иглы
Поистрепавшееся сердце
Поизносившейся души,
Ведь я там вырос, как и эти
Береговые камыши.

* * *

Моё чёрно-белое детство
Простым колесом по траве
Катилось с трещоткой по спицам,
С весёлым звонком на руле.

И обод, согнувшись восьмёркой,
Не притязал ни на что:
Ни бесконечно катиться,

Ни состязаться с мечтой –
Всегда быть кривлякой беспечным,
Всегда быть смешным для детей,
И обод, согнувшись восьмёркой,
По детству со мною летел.

Мы гнали всё время под горку
С попутчиком-ветром в накат,
Нигде не встречая препятствий,
Не видя по жизни преград.

Так было, до кадра всё помню,
До всяческой белиберды, –
Своё чёрно – белое детство,
А всё остальное забыл.

* * *

Хотели слиться воедино
В периферийном городке
Поэты девственной глубинки
И пообщаться налегке

Без багажа районной славы,
Без оскорбительных речей,
Без расслоения на касты,
Без растревоженных ночей.

И паруса уж распустили
Из ярких мыслей на бегу,
Из удивительных открытий
На Селигерском берегу.

(продолжение на стр. 2).

стр. 1

(начало на стр.1).

Но как всегда, нашёлся умник,
Нашёлся критик и «талант»,
И, триединством упиваясь,
Он поучить любого рад,

Что дилетантским парафразом
Ему разбили сердце вздыг,
И он плюётся с пьедестала, –
Плеваться легче сверху вниз.

Его ведь гладили по спинке,
Его не били прям под дых, –
Известным стал среди поэтов,
Но неизвестным для других.

А что поэты, пишут утром,
И за обедом что черкнут, –
Им мятный пряник нужен к чаю,
А вдохновлял всегда лишь кнут.

* * *

Мой милый, скучный, тесный быт:
Титан коричневый гудит, –
Сегодня кто-то из детишек
В чугунной ванне будет мыт.

На кухне белый пар столбом
По потолку растёкся шёлком,
И пахнет сладким киселём
И макаронами с тушёной.

Дубовый стол о трёх ногах
Покрыт газетными листами, –
Передовицы налицо
Уже запятнаны местами.

И не взирая на столбцы
О достиженьях и рекордах,
Перезастелят реализм
Листами свежими в кроссвордах.

И будут снова ляпать жир,
Напьются, поминая мать,
И не дождутся перемен,
Пока не купят в пасху скатерть.

* * *

Она весёлая, хмельная
На лёгких крыльях естества
Летит по улицам Апреля, –
Нагая девушка – весна.

Ещё не выклюнулись почки,
Ещё не выпались леса,
Но неуёмная девчонка
Творить готова чудеса.

И завтра, завтра всё случится:
Нагая девушка – весна
Невестой в платье облачится
Мгновеньем сбывшегося сна.

И полетит с плеча косынка, –
Ромашкой выставив поля,
Пускай влюблённые гадают
Свою судьбу до сентября.

* * *

Он никогда не верил в Бога,
И лишь поверил на войне,
Когда на куполе собора
Крест поклонился сатане.

От попадания снаряда
Он походил на гнутый рог,
И вороньё своей армадой
Затмило небо: где же Бог?

Его, комбата-коммуниста
(Ещё со школы атеиста)
Пробил озноб, он закурил,
Когда под своды заходил

В разбитый храм, перекрестился,
И Бога он не призывал,
А думал долго и молчал
О тех, кого он защищал.

Там у икон стоят старухи
И тихо молятся с колен
За веру в русского солдата,
Ничто не требуя взамен.

И что же он, спустя полгода,
Увидел в ужасе войны:
Товарищ Сталин за спиною,
А впереди оскал чумы.

Меж жерновов сотрутся кости,
И судьбы выкрутит война,
Согнёт кресты в рога бараньи,
А вера выпрямить должна.

* * *

Я – русской бани истопник
И яростный парильщик,
Во век дубовому листу
Я искренний подписчик.
Такая хлёсткая печать –
Напарюсь и покаюсь,
В парилке я не то что врать,-
Я матом не ругаюсь.

Дурное всё из кожи вон
Рубаю в жаркой сече;
Назавтра с чистой головой
Всё доброе намечу.

СТАРЫЙ ГОРОД

В старом городе нет звуков,
Только скрипнет на петлях
Деревянная калитка
Очень тонко звуком «ля».

Чуть попозже отзовутся
С перестуком молотка
Очень часто в нон-стокатто
Звуки «фа» издадека.

На мысу обдут ветрами
Старый город, а норд-вест
Поднимает шумно волны –
Симфонический оркестр!

Под аккорды этих звуков
Старожилы не поют –
Этот шорох, плеск и грохот
Есть безмолвия уют.

Я живу на самой кромке,
В той рыбацкой слободе,
Где в своей тарелке жили,
На своей сковородке
Карасей в обед тушили,
И ухой из трёх ершей
Угощали Старгородцы
Современных Осташей.

* * *

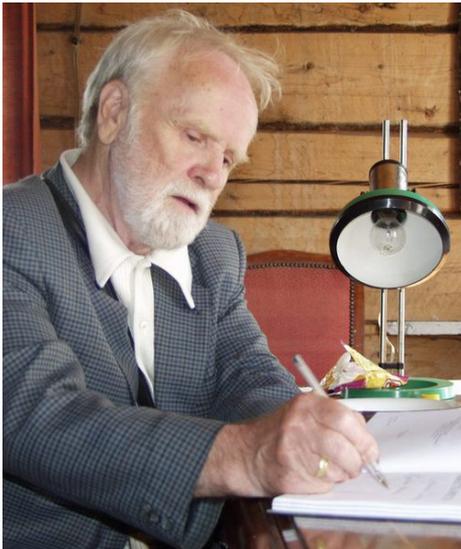
У окна кровать стояла,
Не кровать – корабль для сна, –
Ватерлиния – перина
Двум подросткам не тесна.

Борт высокий и без трапа,
Попотеешь, чтобы влезть;
Им поможет табуретик,
И посадка снова есть.

Три подушки, словно мачта,
Вознеслись до потолка,
Мамой взбитые, как тесто,
Сверху тюль, как флаг полка.

Солнце в окна заглянуло,
Словно лучик маяка, –
Хватит плавать в снах и негах,
И отлёживать бока.

Я проснулся самый первый,
Свесил шею сверху вниз,-
Мне ещё сигать обратно
В развитой социализм.

Х Р А М У О З Е Р А

22 октября 2017 года 85 лет со дня рождения известного русского писателя Василия Ивановича Белова, он ушёл из жизни 2 декабря 2012 года. Повести «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», романы «Всё впереди», Трилогия «Час шестый», книги для детей, пьесы, очерки, стихи и другие произведения широко известны читателям в России и за рубежом. Художественный мир Белова поистине огромный, как великий океан, его не окинешь взглядом и не вычерпаешь. Внутренний же мир любого из нас наполняют детали повседневности. Такое важное событие произошло 28 августа 1992 года - в праздник Успения Пресвятой Богородицы и для Василия Белова. В тот день освятили Сохотский Никольский храм, восстановленный руками писателя и не его средства.

1

ПОМНЮ, позвонил Василий Иванович, сказал, что закончил делать Никольский храм и пригласил в Тимонику на освящение.

Ещё раньше возникли какие-то неполадки в моей машине, отправляться на ней в неблизкий путь было рискованно. Поэтому я связался с моим коллегой, журналистом Е. Соловьёвым, собкором «Известий». Он тоже выразил желание побывать у Белова. Его редакционный «Уазик» был в порядке, и рано утром мы выехали из города.

Мы уже свернули с автостреды на Архангельск и теперь катили по владениям лесного царя Берендея, они казались безкрайними. Вдоль песчаной грунтовки, над ней столбом стояла пыль, тянулись убогие северные деревеньки, свидетельствуя о страшно ненормальном отношении к земле-кормилице современных людей. Лишь немногие села сохранили настоящий крестьянский уклад. Дорога начинала утомлять своим однообразием.

Но вот, наконец, вдали возникла маковка церкви и крест на ней - их хорошо было видно с холма. Они всё приближались и приближались. Кажется, мы приехали. Да, далековато от «цивилизации» затерялась родная деревенька писателя - Тимониха.

Навстречу нам по колее, раз-

резавшей поле, катила красная «Нива», за рулём я сразу узнал Василия Ивановича. Мы притормозили, вышли на улицу.

- Встречайте гостей! - протянул я руку Василию Ивановичу.

Он крепко пожал ладонь, скупой улыбнулся.

- Припозднились вы что-то, - слегка укорил писатель. - Служба почти закончилась. Но отец Георгий ещё в храме и народу там полно.

Василий Иванович отозвал меня в сторону.

- Это кто с тобой? - спросил он, показывая на моего коллегу.

Я ответил, объяснил, что вынужден был воспользоваться машиной собкора.

-Нет, - запротестовал Белов, - с «Известиями» не хочу разговаривать, это такое русофобское издание...

Я почувствовал себя неловко. Что делать? Не назад же ехать моему коллеге! Всё-таки Василий Иванович, ещё раз выслушав меня, внял объяснениям, махнул рукой - мол, ладно. Мы сели к нему в «Ниву» и поехали на берег Сохотского озера, где только что освятили храм и состоялся торжественный молебен. Вокруг, действительно, было много народу. Все радовались необычному событию - возвращению Храма к его изначальному назначению.

Эта церковь упоминалась в окладной книге Вологодского уезда в 1691 году. Видимо, тогда она была деревянной, а оделась в камень поз-

же - в 1842 году. Главными святынями в ней в то время были икона Божьей матери «Казанская» и икона Успения Пресвятой Богородицы.

И вот, как раз в праздник Успения, произошло освящение храма после его ремонта, сделанного писателем Беловым. Такое удивительное совпадение!

Мы вступили в Храм, Василий Иванович начал показывать и рассказывать, что он делал. Тут подошёл священник, отец Георгий из Вологды, и поделился впечатлениями о событии:

- Многие люди, которые будут соприкасаться с этим храмом, - сказал он, - начнут спасать свои души, возрождать наше Отечество - Святую Русь. Слава Богу, прошло сегодня всё очень хорошо. Мы очень довольны. Как всё замечательно организовано Василием Ивановичем, и люди пришли, хотя храм на отшибе. Главное - такое единение духовное, восторг, радость! 85 человек приняли Святое Крещение в этом храме вчера и сегодня - это же прекрасно!

2

Накануне я уточнил, что в 1920-е годы церковь в честь Николая Чудотворца закрыли - зимнюю часть, колокольню разрушили, а в летней части - устроили школу. Знал я и о том, что

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

Белову помогали кинооператор Анатолий Заболоцкий из Москвы и известный художник, академик живописи Валерий Страхов из Вологды.

Сохранилась запись рассказа писателя:

Василий Белов:

- Третье лето я строю церковь. Когда я увидел, что её растаскивают, мне стало жаль её. Тогда ещё лес и кирпич были не очень дорогими. Я на полученный гонорар купил всё и привёз сюда в Сохту. Начали мы с того, что выгребли из церкви всякий хлам, удобрения. Но всё равно запах такой - всё пропиталось удобрениями. Потом начали вести кирпичную кладку - кирпич, цемент. Это всё - новая кладка, видите! Всё было выломано - вон до того места, видите, почти до сводов... А с той стороны тоже дыра была.

- Василий Иванович, а православный приход будет на сколько деревень?

Да во всем районе нет ни одной церкви, всё разрушено. Только в самом Харовске какая-то деревянная церковь одна есть. Раньше в каждой деревне часовни были и приходы были. В Ильинском приходе - восемь километров отсюда - прекрасная была церковь.

В это время из храма вынесли младенца, который плакал на руках у молодой мамы.

- Вот уже и покрестили - видите, - сказал Белов. - Испугался чего-то!

Василий Иванович засмеялся.

- У меня прадед и отец были очень религиозными. А дядя почему-то не любил священников, - продолжал Белов. - Я боюсь, что он был неверующим - он Гарибальди читал, Реннако читал какого-то. Вообще, как я думаю, народ неглубоко воспринял христианство, иначе бы и революции не было бы, а так сохранилось язычество - бей, круши, бунтуй. Но хозяйственником Иван Михайлович был отмен-

ным - вводил севообороты, горох начал сеять и вообще мастеровой был. Но священников не любил. А вот один из прадедов был верующим. И все бабки и пробабки были, конечно, верующими. Я в этом здании, - Василий Иванович показал рукой на стены храма, - в школе учился. Школа здесь была. Первый и второй класс кончал я тут. «Интернационал» нас заставляли петь здесь в храме. Ещё до войны я пошёл в первый класс, я с 1932 года.

Василий Иванович, а иконы в церкви откуда? Я вижу: тут большие красивые иконы!

- Две иконы - «Тайная Вечеря» и другая - мои, я отдал сюда в храм. Икона «Богоматерь» у меня над кроватью висела в моём доме в Тимонихе. Обычная Богоматерь. А икону «Спасителя» вот Валерий Страхов купил и сам отреставрировал и подарил нашему храму, а одну икону принесли вон из той деревни, вон хозяин.

Белов показал на хозяина иконы. В это время мы уже вышли из Храма и стояли на улице. Это был Громов Леонид Александрович из деревни Алферовская. Громов подошёл у нас, мы с ним познакомились. Он коротко рассказал, как хранил эту икону.

Я снова беседовал с Василием Ивановичем.

- А когда закрыли церковь?

- Одновременно всё происходило, колхозы начинались и церкви разрушались, - продолжал Василий Иванович.

Подошла какая-то женщина, знакомая Василия Ивановича, из окрестной деревни, вступила в наш разговор, добавила:

- Ломали её! Отец Николай, священник, был арестован ещё до начала колхозов.

Леонид Громов тоже вступил в разговор:

- Уже всё было заготовлено, чтобы крышу с церкви спихнуть.

Василий Иванович продолжал:

- Да, деревни, знаете, какие большие были? В нашей Тимонихе

было 26 домов, а сейчас 4 осталось. Вот! И вся Россия так же, учти, братец (это Белов так обратился ко мне), северо-западная я имею в виду. На юге, может, получше было. Сорок шесть человек у нас было в первом классе, когда я учился. И почти все погибли. Один или два осталось. И всё. Но погибли не на войне. После войны. Наш год на войну не попал. Моложе меня уже лежат на кладбище. И все почти смерти связаны с вином. Я об этом уже писал статью. Второй раз повторяться не охота.

- Василий Иванович, а вы делали всю эту работу для храма как, на чём?

- Да вот верстак у меня до сих пор в амбаре стоит. Хороший верстак. Как раз дядюшкино наследство. Он винты вёз аж со Шпицбергена. Ну, свет когда провели, у меня есть дрель, пила электрическая - облегчила немножко. Московский гость привёз рубанок шведский электрический, а то ручным строгать тяжело было.

К Белову подошёл какой-то молодой парень, обратился:

- Мой отец говорил, что Белов был озорником в школе, на гармошке играл.

Белов: - Чего? Я могу тебе хоть сейчас, давай гармонь - дыкисыграю.

Парень: - Гармонь-то у меня дома есть.

Белов: - Есть! А ты чего не играешь?

Парень: - Слуха нет, медведь на ухо наступил.

Мы дружно рассмеялись. **Василий Иванович продолжал:**

- Деревни рядом стояли - это Заозерье, дальше Алферовская, там - моя Тимониха, дальше там Чичериha, Печиха, там ещё за рекой были деревни; все они в куче были; и на эти деревни был здесь приход в Никольском. Об особенностях говора деревень: даже артикуляция разная была. А сейчас. Сейчас даже в Нью-Йорк приедешь, то же одно говорят.

- Василий Иванович, а вы сота здесь какая, как вы крест водружали?

(окончание на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

- Не знаю, какая высота - ответил он. - Довольно высоко! (засмеялся). Качалось всё - вот так! Оттуда видно всю округу далеко.

- А как вы туда забирались-то?

- Там леса, по лесам, леса я сам строил. Крыша на куполе - железо, 130 лет, сохранилось железо. Но всё простреленное - дробью, картечью, пулями. Палили по галкам или просто так. Мне пришлось тампоны делать.

А крест сам как, по веревке поднимали?

- Крест-то сам дубовый, он не тяжелый, - ответил писатель. - Просто по лесам шёл, на себе нёс, поднимал - и всё.

Перед алтарём в храме я обратил внимание на два дорогих подсвечника, спросил про них у писателя.

- Их подарили нашей Никольской церкви русские эмигранты из Америки, - пояснил Василий Иванович. - Это Михаил Юрьевич и Петр Юрьевич Хлебниковы. Один из них гостил у меня летом - Михаил, он живет в Нью-Йорке, и брат его там, он работает в газете «МЫ».

Моё любопытство, в основном, было удовлетворено. Я выключил диктофон, а коллега воспользовался этой паузой и приступил к Василию Ивановичу со своими вопросами.

- А вы могли бы по совместительству быть в Никольской общине? - спросил он писателя.

- Мне некогда! - отрезал Белов. - У меня своё дело стоит.

Между ними завязывалась беседа. А я, чтобы немного развеяться, стал спускаться к Сохотскому озеру - хотелось полюбоваться его окрестностями.

Когда я возвратился к храму, то увидел картину, которая меня, честно говоря, удивила. Василий Иванович и Соловьев сидели чуть ли не в обнимку на лавке у могилы Анфисы Ивановны, матери Белова, и о чём-то горячо говорили.

- А как я искал могилу отца, погибшего под Смоленском? - спросил писатель. - В трёх братских могилах искал его. Только в одной братской могиле в

списке было одиннадцать Беловых...

- Да! - сочувственно воскликнул коллега.

Ещё несколько часов назад, когда я упомянул название газеты - «Известия», писатель как бы с большим недоверием отнесся к незнакомцу. Теперь же, похоже, проникся к нему доверием, посвящал в какие-то свои сокровенные чувства.

Русский характер - ни дать, ни взять!

Я и Соловьев засобирались домой в Вологду

- Надо же вам хотя бы чаю попить! - заволновался Василий Иванович. - Как же так уехать?

3

Проехав поле, мы оказались в деревне Тимониha, и Василий Иванович пригласил нас в свой дом.

Про дом Белова, с виду обычный, в северном стиле, можно говорить долго. Здесь столько любопытного! От заостренных в смоле сосновых брёвен в обхват, из которых срублены венцы и крыльцо, до уютной мансарды под крышей, где писатель любил поработать творчески за столом на ранней зорьке. На стенах висят картины-пейзажи, исполненные рукой самого писателя. Показывая мансарду, Василий Иванович достал откуда-то из потайного места большой чёрный портфель.

- Вот в нём то, что пока никто не напечатает, - сказал писатель.

- Но когда уйду из жизни, возможно, что-то и пойдёт в печать.

Что это были за произведения, мы, конечно, постеснялись спросить.

На просторной кухне - настоящие деревенские широкие лавки, на которых сидеть гораздо удобнее, чем на городских стульях или креслах. Мы уселись на этих самых лавках, кстати, сделанных Василием Ивановичем. Сестра писателя Александра и с нею ещё какая-то женщина собирали на стол. Задымила свежесваренная картошка, рядом появилась зелень с грядок. В центр стола хозяйка поставила злодейку с наклейкой, кстати, зелёной наклейкой,

похоже, припасёна бутылка была ещё с советских времён. Хотя сам Василий Иванович давным-давно забросил это дело, но нам он предложим отметить событие.

- Постойте, я совсем забыл, - встал я и пошёл к портфелю. - Я же привёз вам из Вологды письмо.

Я передал конверт Василию Ивановичу.

- От Бондарева, - сказал писатель, взглянув на адрес.

Юрий Бондарев, с ним Белова связывали дружеские отношения, сообщал в письме, что Василию Ивановичу присуждена литературная премия имени Льва Толстого.

Мы дружно поздравили Василия Ивановича с наградой.

Какой всё же удивительный был этот день - праздник Успения Богородицы, освящение храма, новость о премии! Столько событий!

Наверное, на радостях, Василий Иванович взял гармонь, сел рядом на лавке и стал играть.

Играл он, конечно, бесподобно! Играл часто, зазывно, ноги сами просились в пляс. Потом он менял настроение и заводил какую-нибудь лирическую мелодию.

Это надо было слышать видеть!

Мы пели разные песни - и русские старинные, и задушевные советские.

И тут отворилась дверь, к столу заглянул известный в округе плотник Осип Самсонов. Сразу подумалось: не прообраз ли это какого-нибудь героя из «Плотницких рассказов»? Осип Александрович, высокий, широкоплечий, решил потряхнуть стариной - пустился в пляс, выдавал коленца, да ещё спел пару-тройку частушек, от которых невозможно было не рассмеяться.

Я слушал негромкий говорок Белова, прибаутки плотника Самсонова, и понимал, что герои писателя рождались здесь, на этой грешной и любимой им земле.

Геннадий САЗОНОВ,

член Союза писателей России.

Тимониha - Вологда,
1992-2017 гг.

Михаил Ильющонок

Михаил Михайлович Ильющонок живёт в живописной деревне Курово Тверской области Андреапольского района на берегу реки Западная Двина.

Он поэт, бард, фотохудожник, автор документальных фильмов о родном крае. Неоднократный победитель фестивалей патриотической песни, лауреат областных кинофестивалей документальных фильмов, лауреат международного кинофестиваля короткометражных фильмов «Москва Златоглавая», автор множества стихов, баллад и песен.

Его фотовыставки демонстрировались в городах Тверской и Псковской областях. Фотовыставки «Живет моя деревня», «Быть или не быть», «Вечерний звон» с успехом прошли в выставочном зале Центрального дома журналистов города Москвы.

Михаил выпустил три альбома своих песен: «Состояние души», «На Ивановой Горе», «Я ромашек не кошу». Практически все его стихи, это тексты его песен.

* * *

На Тверских просторах дальних,
В глубине сплошных лесов,
Уголок Руси кристальный
Создан волею богов.

Молвят, до него добраться,
Даже пешком, нелегко.
За дремучими лесами
Затерялся далеко...

Там искрится тонкой стружкой
Чудотворный ручеек,
Родничок реки великой –
Пресвятой Двины исток!

«В ГЛУБИНЕ СПЛОШНЫХ ЛЕСОВ...»

Что в былинах и преданиях,
Сказах мудрой старины,
Отражениях зеркальных
Вешних вод родной Двины.

ВЕТЕР

Откуда ты взялся, и впрямь, не
пойму,
Внезапно ворвался в мою тишину.
Поправил прически седым

тополям,
В гостях не остался – пошел по
полям.

Как малый ребенок играешь
лиственной,
Меня забавляешь, кричу я –
Постой!

Постой, не спеши ты! – кричу я,
моля,
Но ты не послушал, пошел по
полям.

Пошел по полям ты гулять, по
лесам,
Кружа свое счастье и радуясь сам.
Откуда ты взялся, и впрямь не
пойму,
Внезапно ворвался в мою тишину.

Забрал восхищенье в безбрежную
даль,
Унес вдохновенье, оставил –
печаль.
Оставил печаль мне, зачем – не
пойму,
Унес вдохновенье, вернул
тишину...

ЗА СЕДОЙ ДВИНОЮ

За седой Двиною
Небо догорает,
Нежною зарею
Душу обжигает.
А душа – потемки,
Для кого – не знаю.
За седой Двиною
Небо догорает.

А ты, душа, уймися!
Много ли осталось?
Дивным отражением
Полюбуйся малость,
Насладися вволю.
Разве так бывает –
За седой Двиною
Небо догорает...

МОЙ ДЕД

Мой дед, Ефим Андрееч,
Потомственный печник.
Славянскими корнями
Загадочный старик.
Он вырастил три сына,
И сад, и дом при нем.
До самого Берлина
Мой дед прошел пешком.

Прошел, родной, боями
Сквозь ад войны дорог,
Кремневые награды
На сердце у него.
От прессы уклоняясь,
От славы и похвал,
Твердил, что, к сожалению,
Героем он не стал.

Твердил, что от расспросов –
«На части голова»,
И вспоминать не надо –
Все было как вчера...
Крестом на место нервы,
Винтовка, да «Ура!» -
Он шел в атаку первым,
И пуля не брала.

ТОПОЛЯ

Туманами умыты,
Утренней зарей,
Сединами укрыты,
Позднею лиственной.
Веками охраняют
Русские поля –
Тополя...

Дожди – мои печали,
Думы – облака,
Сбивают мысли в стаи –
Гонят жокака.
Но если не успеют,
Время оброня,
Мечты мои согреют
Тополя...

Святое изваянье
Сказочной мечты,
Безмолвное признание
Вечной красоты.
В молчании укрылись,
Головы склоня,
В раздумье растворились
Тополя...

Тверские на «Словенском поле»

В Пскове прошел Международный поэтический фестиваль исторической поэзии «Словенское поле». В нем участвовали и тверские поэты: Вера Грибникова, Ольга Кочнова, Татьяна Михайлова, Мария Парамонова, Сергей Полежаев, Василий Рысенков, Любовь Старшинова.

Главные мероприятия были в музее-заповеднике «Изборск». Здесь поэты читали свои стихи, посетили старинную крепость, знаменитые Словенские ключи. Накануне в программу фестиваля органично вписалось посещение Псковско-Печерского монастыря.

На круглом столе в региональном отделении Союза писателей РФ состоялся разговор о проблемах современной русской литературы и писателей русской провинции. Выступили председатель Псковского отделения Союза писателей РФ Игорь Смолькин, Смоленского отделения Олег Дорогань, член правления Тверского отделения Василий Рысенков, член бюро Тульского отделения Валерий Савостьянов и другие.

Василий Рысенков провел в концертном зале Псковского колледжа искусств свой мастер-класс. По итогам фестиваля второе место в конкурсе стихов о Пскове заняла Ольга Кочнова, а Любовь Старшинова стала лауреатом третьей степени в номинации «Профи» конкурса «Словенское поле».

«Кругом цветущий лен...»

Тверской эпизод из жизни Елены Образцовой

НЕСКОЛЬКО лет назад ушла из жизни выдающаяся русская оперная певица, народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда Елена Васильевна Образцова. Известие об этом заставило меня вспомнить о необычном эпизоде из ее жизни, связанном с тверским краем. О нем рассказано в моей книге «Ощущение рода» (конкретнее, в очерке «С землей надо на «Вы» о председателе знаменитого колхоза «Мир» Торжокского района Тверской области», народном депутате РФ 1990-1993 гг. Николае Ивановиче Попове), вышедшей в 2012 году:

«Солнце взошло, быстро разгоняя туман над льняным полем. Изумрудно-зеленое в дневную пору, утром оно было совершенно голубым из-за открытых чашечек растений. Картина выглядела бы для Николая Ивановича Попова привычной, обыденной, если бы на окраине колхозного поля не стояла оперная королева Елена Образцова.

- Потерпите еще немного, - попросил ее оператор и стал делать «дубли»: один, второй, третий...

Образцова терпеливо стояла во льне, стебли которого поднимались выше ее коленей. Николай Иванович видел: платье певицы от холодной росы промокло снизу.

- Может, довольно? - спросил у оператора.

- Пусть снимает, - заявила дрожащим голосом Елена Васильевна.

После съемки столичные гости поехали на «Волге» в контору колхоза, где Николай Иванович напоил их горячим чаем.

Спустя четверть века мы с председателем колхоза «Мир» Поповым стояли у того льняного поля, и я пытался представить, как могла выглядеть сцена из документального фильма о певице.

Жгучая, с гордой осанкой, красавица «Кармен», а вокруг нежно-голубой, тянущийся к самому горизонту океан «северного шелка».

- В нашем хозяйстве были самые крупные в России посеы льна - они достигали 500 гектаров, - говорил Николай Иванович. - Директором областного льнотреста в ту пору работал Евгений Васильевич Пекин. С тонкой иронией человек. Долго потом подтрунивал надо мной: «Что ж ты так прокололся?». Да уж, заоченела она вся, и надо было мне, конечно, предложить ей кое-что посущественнее чая. У меня и бутылка коньяка имелась в значке. Но я, дурень, перестраховался. «Сухой закон» ведь зверствовал...»

Сейчас Н.И. Попова тоже нет в живых, но в его личном архиве сохранилась ранее нигде не публикованная фотография Елены Васильевны, сделанная на льняном поле.

**Валерий Кириллов,
Андреаполь**

На снимке: Елена Образцова на льняном поле колхоза «Мир» 14 июля 1988 года.

• Литературное краеведение

«И НИКТО НЕ ЗАПРЕТИТ НАС

СУДИТЬ ПОТОМКАМ...»

* * *

Провожая этот век,
Страстный и кровавый,
Все очисти, человек:
Душу, реки, травы.

Ран природа не простит,
Как народы – ломки.
И никто не запретит
Нас судить потомкам.

* * *

Облетают черемух цветы,
Лепестки застилают тропинки,
Струи ливня качают кусты,
Бьются в стекла, стекая, дождейки.

С треском молнии яркий зигзаг
Рассекает лиловые тучи.
Гром ворчит, не уймется никак
Майский ливень, шальной и
кипучий.

В серой дымке купают леса
Дождевые седые туманы,
А меж туч золотая роса
Засверкала в лучах долгожданных.

Заиграл и расцвел вдруг
Под лиловой клубящейся тучей,
Вспыхнул ярко зеленью луг
Под нависшей чернеющей кручей.

И, как в сказке, на радужный мост
Поднимаюсь к разорванным тучам,
Чтобы все, что в пути не сбылось,
Испросить у природы могучей.

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

Ночь в снежных вихрях дремлет,
Все спит под жалкий вой...
Но мне не спится. Сердце щемит.
О Боже! Что со мной?..

За жизнь свою впервые
Так больно, ну хоть плачь!
За годы молодые,
За бремя неудач.

Пурга в окно стучится,
Опять в чужом краю.

Юрий БУНИН

(1945 – 2009)

Родился 13 сентября 1945 года в городе Электросталь Московской области. Участвовал в строительстве БАМа и геологических экспедициях. Проектировщик и участник строительства храмов, возведённых в честь Георгия Победоносца (поселок Монино Нелидовского района, Святого Николая Японского и Блаженной Матроны (поселок Мирный Оленинского района), Александра Свирского (территория заповедника в Нелидовском районе). Награжден Библией за участие в строительстве часовни на роднике у деревни Белейка. Иконописец. Создал 300 икон для храмов в городах Западная Двина, Андреаполь, Нелидово, Белый, Сургут, Москва. Был членом литературных объединений «Огни Подмосковья» и «Межа». Печатался в различных изданиях на Дальнем Востоке, в Якутии, на Урале, в нелидовских газетах и альманахе Каблуковских литературных встреч «Каблуковская радуга». В городе Нелидово проживал с 1998 года. В 2009 году его жизнь трагически оборвалась. Похоронен на кладбище в деревне Ульянино.

Ведь надо ж так случиться!
Взглянул на жизнь свою.

И вспомнил край, где грезы
Я с детством уносил,
В лес, где грустят березы,
Бежал я, полный сил.

И с нимфами, и с Музой
В расцвете юных лет
Связал я крепко узы,
Дав верности обет.

К лесам, земле старинной,
Чьё имя гордо – Русь,
К преданиям былинным
С душою чистой мчусь...

Страна желаний детских,
Мир сказок голубой
Достались мне в наследство
С наивностью слепой.

ПРИЗНАНИЕ ЗИМЕ

Солнце голубое
Кружится в снегах.
Светится родное
В радужных глазах.
Вздурлся льдом зелёным
Бившийся поток,
Жилкой затаённой
Дрогнул твой висок.
Разыгрались искры
В снежных волосах.
Бьётся зайчик быстрый
В ледяных глазах.
Отчеканил соболь
Строчки на снегу,
Заискрился тополь
В солнечном стогу.
Что-то дорогое
Сердце холодит.
Счастье ли нагое
В инее стоит?
От холодной власти
Молча ухожу,
Не своё я счастье
В зимах нахожу.
Не тебе я нужен,
Жгучая краса,
Не снежинкой вьюжной
Ждут меня леса.
Не метелей пеньё,
Не сугробов сны.
Я люблю кипеньё
Молодой весны.

ВЕСНЕ

Передо мною твой портрет.
Ты обернулась на мгновенье
Из синей дымки мне в ответ
На оклик с милым удивленьем.
Смотрю внимательно в глаза –

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Души раскрытые глубины.
 На сердце радости слеза
 Смягчает грубые морщины.
 Ты обернулась мне в ответ.
 Я быть твоим в душе поклялся.
 И мудрых глаз твоих секрет,
 И образ твой во мне остался.
 А в нём – набухшие снега,
 Туманы солнечные, нежность
 Ростков подснежных и луга,
 Ручьёв вбирающие свежесть...
 С тех пор я жду, я жду тебя,
 Любимейшую из любимых,
 И в стужу лютую любя
 Шепчу твоё святое имя.
 И в царстве матушки-зимы
 В холодном блеске снежной
 сказки,
 В сугробах тихих вижу сны,
 Объятый солнечною лаской.
 И сходит снег с души моей,
 И тлен тоски – лесные воды
 Среди побегов и корней
 Уносит в таинство природы.
 Твоим дыханием согрет,
 И окрылённый вдохновеньем
 Писал бы вечно твой портрет,
 Остановив любви мгновенье.

МНЕ С ТОБОЙ...

Мне с тобой и беседовать люблю,
 Мне тепло от улыбки твоей.
 Свет в глазах и в малине губы
 Манят слиться с цветами полей.
 И в глазах – молодая роща
 Расплескала берёзовый цвет...
 Мне любимой назвать тебя проще,
 И в душе ты – как солнечный свет.
 И боюсь я сказать это слово,
 И боюсь я его не сказать.
 Сердцу жалко средь шума
 людского
 Дорогие слова обронять.
 Плачет осень в берёзовой роще,
 Гаснет в листьях малиновый цвет.
 Мне с тобой и жилось бы проще,
 Без тебя же и радости нет.
 В этом мире тебя ожидаю
 И не знаю, где встретишься ты.
 Теша душу, на звёздах гадаю
 И дарю незнакомкам цветы.
 Голубой ли звездой над закатом,
 Белой вьюгой ли в старость
 придёшь.

Я скажу поседевшим девчатам:
В этом мире был счастлив я всё ж!

ЗОВ СЕРДЦА

Я люблю тебя, слышишь?!
 За окном ветер снежные шторы
 колышет,
 И стучит в ледяное оконце пурга.
 Между нами леса, города и снега.
 Я люблю тебя, слышишь?!
 И всё кажется, будто бы рядом ты
 дышишь.
 И тепло твоих рук на усталых
 плечах,
 И сердца, обгоняя друг друга,
 стучат.
 Я люблю тебя, слышишь?!
 В этом мире безумном под
 солнечной крышей
 Мы страдаем в разлуках жестоких,
 любя,
 И в молитвах зову сквозь
 пространство тебя.
 Жизнь кончается, сердце все тише
 и тише
 С грустью тайной сквозь годы
 взывает к судьбе.
 Отчужденье и камень познал я в
 тебе.
 Я зову тебя, слышишь?!
 Знаю, что не ответишь, письма не
 напишешь,
 Но любовь я в душе сквозь года
 пронесу
 И любовью пред Богом кого-то
 спасу.
 Я люблю тебя, слышишь?!

ПРИРОДЕ

Шумишь, свободная стихия?!
 А я свое уж отшумел.
 Опять тебе пою стихи я,
 Отбросив кучу нудных дел.
 Опять мне хочется свободы,
 Ломать мозги в тиши лесной,
 Искать сокровища природы
 В чащобах, пахнущих сосной.
 Опять душа в простор стремится
 На крыльях ангела лететь,
 Небесной свежести напиться,
 Святым огнем любви гореть.
 Но снова муза молодая,
 Смеясь, в леса влечет меня,

Резвясь и сердце искушая,
К сокрытым таинствам маня.

И искушенья разжигают
Безумно душу, сердце, плоть.
Волненья трепет вновь познаю
И не смогу перебороть.

Шумишь, свободная стихия, -
Союз Земли, Воды, Огня?
У Бога помыслы благие:
О, Господи, спаси меня?

* * *

Ты не ищи, бушлат накинув,
Мой след и тело у костров.
Я ухожу, сей мир отринув,
По звездам неземных мостов.

Передо мною ты в сиянье,
В рассвете солнечных садов.
В цветах – воздушное создание –
Из радуг, брызг, манящих слов.

О ЛЮБВИ

Сладкая отрава,
 Перепутья, версты...
 Я лежу на травах
 И гляжу на звезды.
 Непокойно сердце,
 В звуках звездной ночи
 Ищет в клетке дверцу,
 Выйти в космос хочет.
 Звук далекой арфы
 Слышится в безмолвье,
 Лунный лик Плутарха
 Встал над изголовьем.
 Жизнь моя земная,
 Мир галактик тайный,
 В тишине сливаясь,
 Ширятся в сознание.
 А любовь земная
 Зажигает звезды,
 И любить, родная,
 Никогда не поздно.
 Я к звезде зажженной
 Ухожу лесами,
 Как привороженный
 Мильми глазами.
 И кричит от боли
 Рвущееся сердце:
 Выпала ж мне доля
 Звездным светом греться.

ЛЕТОПИСЬ НАРОДНОЙ БОРЬБЫ

Размышления над книгой

Валерия Кириллова

Лиза Чайкина, Лидия Базанова, Екатерина Фарафонова, Зинаида Тимофеева, Тамара Ильина... Их именами названы улицы Твери, но многие ли жители областного центра сейчас точно скажут (и скажут ли вообще?), за какие подвиги эти молодые девушки были удостоены столь высокой чести? Вряд ли. И это очень грустно, более того – больно и даже опасно. Опасно прежде всего для нашего будущего, которое будет выхолощенным, лишённым славы, если забыть предшествующую историю и особенно её самые трагические страницы XX века – Великую Отечественную войну.

СОВРЕМЕННЫЙ читатель не обделён изданиями, посвящёнными её битвам и полководцам. Однако львиная доля этой «интеллектуальной» продукции с хлесткими и разоблачительными заголовками напичкана антипатриотической начинкой, поскольку сознательно искажает и принижает роль СССР и его руководства в победе над гитлеровским фашизмом, смакует неудачи и просчёты, пренебрегая объективными обстоятельствами, игнорирует значение партизанского движения и деятельности подпольщиков. И главное – в этом книжном ворохе практически ничего не говорится о духовно-нравственных источниках нашей силы и Победы в священной войне против захватчиков. А ведь наша Победа сегодня – фундамент сплочения всех поколений российских людей, и потому именно по ней непрерывно и всё злее бьют дутыми «сенсациями» враги России, которые, увы, имеют возможность делать это прямо в самой стране. Налицо потребность в других книгах – тех, что несут подлинную правду о Великой Отечественной войне.

Одна из них – «Кому ты так

обязан» (Тверь, 2017). Автор её – известный русский прозаик и публицист Валерий Кириллов – уже не раз обращался к истории партизанской борьбы на территории Калининской области, довоенные границы которой простирались аж до Латвии. Ему, сыну бывшего бойца Ленинского отряда 2-й особой партизанской бригады Я.К. Кириллова, эта тема сердечно близка. Сам В. Кириллов в бытность редактором областных газет «Смена» и «Калининская правда» («Тверская жизнь») не раз и не два встречался и подробно беседовал с бывшими участниками партизанского движения – командиром отряда «Земляки» Виктором Терещатовым, радистом Павлом Сергеевым, разведчиками Владимиром Заболотновым, Виктором Хомячковым, Клавдией Тяпиной и многими другими, записывал их рассказы, собирал архив и фотоматериалы. Всё это требовало раздумий, обобщения и, как результат, масштабного мемуарно-документального воплощения. Так родилась эта книга, впервые увидевшая свет в 2010 году.

В её втором издании, по сравнению с предыдущим, гораздо ярче очерчена организационная роль и непосредственное участие в партизанском движении органов госу-

дарственной безопасности, в том числе Калининского Управления НКВД-НКГБ. «В немецком тылу действовали 2222 опергруппы НКВД-НКГБ (из них около 600 в составе партизанских отрядов), уничтожившие 229 тысяч оккупантов, взорвавшие 2852 эшелона и 1326 шоссе и железнодорожных мостов», – подчёркивает В. Кириллов. Эту информацию дополняют списки руководителей спецгрупп УНКВД СССР по Калининской области, командиров и комиссаров 23 партизанских бригад и входивших в них 120 партизанских отрядов, а также большое число фотографий отличного качества. Расширен литературный раздел с партизанскими песнями и стихотворениями.

В жанровом отношении книга представляет собой комплекс очерков, повествующих о боях и походах партизанских бригад и отрядов, их командирах, бойцах, разведчиках, врачах, связных и обычных деревенских жителей, активно помогавших народным мстителям в их борьбе с немецко-фашистскими оккупантами, чем могли – продуктами, одеждой, кровом. Все они каждодневно рисковали самым дорогим – своей жизнью, но, не задумываясь, отдавали

(окончание на стр. 11).

(начало на стр. 10).

её за Родину, обретая бессмертие. Писатель приводит огромное количество имён, восстанавливает или прослеживает послевоенные судьбы целого ряда участников партизанского движения, что крайне важно для их детей, внуков и правнуков. Не исключено, что кто-то из нынешних молодых узнает о героическом прошлом своих дедов, прадедов, близких и дальних родственников именно из этой книги. К примеру, извлёк В. Кириллов из забвения имена и славные дела двух юных калининских партизан Евгения Тихомирова и Николая Сивкова. А автор этих строк с удивлением и радостью прочёл помещённое в книге письмо в военкомат 18-летней жительницы деревни Верхняя Троица Кашинского района А. Бойниковой, в котором она страстно просит дать ей любую возможность защищать любимое социалистическое Отечество. Скорее всего, это – моя дальняя родня по отцовской линии.

От страницы к странице перед нами разворачивается целостная летопись народного сопротивления, невиданного для врага, так и непонятого им. Ведь геббельсовская пропаганда внушала, что Германия несёт советскому народу «освобождение от большевистского рабства»; фашисты рассчитывали на лояльность и смирение населения оккупированных областей СССР. Но в ответ получили народную войну: в немецком тылу летели под откос эшелоны с боеприпасами, солдатами и техникой, горели военные склады, взрывались мосты,

рельсовые пути, линии связи... Фашисты в отместку стремились запугать и утратить мирных людей карательными акциями – пытками и казнями заподозренных в сочувствии и помощи партизанам, сожжением дотла деревень вместе с их жителями – от грудных детей до глубоких стариков. В Кириллов привёл немало описаний творимых гитлеровцами зверств и насилий, которые невозможно читать без содрогания и праведного гнева. Вот текст листовки, рассказывающей о героической гибели юной разведчицы-партизанки Марии Пынто:

«Запомни и отомсти! 15 мая 1944 года фашистские каратели ворвались в землянку, где укрывались две девушки из деревни Дубровка Себежского района. Младшую – Марию Пынто, заподозрив в ней партизанку, они подвергли жестоким истязаниям. Выбили зубы, отрезали левое ухо. Кровь текла по лицу девушки, но она не ответила ни на один вопрос палачей. Её спину исполосовали ножом – она молчала. Садист отрезал ей правую грудь – она молчала. Её взгляд был полон ненависти и презрения. Глубоко вздохнув, готовая умереть, но не покориться, девушка бросила в лицо врагу гордые слова: «Ваша гибель неизбежна, русский народ победит!»

И как тут не вспомнить Николая Гоголя: «Да разве найдутся на свете такие огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу!»

К сожалению, мне приходилось сталкиваться с пренебрежительным восприятием теперешними студентами вузов (!) событий

минувшей войны. «Байки», «чего вспоминать», «преувеличение» – самые мягкие из оценок. Эти тревожные явления в молодёжном сознании возникли не сами по себе. Всё меньше остаётся живых участников войны и партизанского движения, а написанные ими по горячим следам и изданные в советское время книги давно стали библиографической редкостью. В такой ситуации всплывают новоявленные «историки», стремящиеся сделать себе имя и на компрометации партизанского движения. Измышления одного из них, который сравнивает партизан с террористами, писатель доказательно разоблачает в очерке «Линия фронта – наша совесть»; его название восходит к пророчеству Фёдора Достоевского, который вложил в уста Дмитрия Карамазова предвидение будущего антирусского разгула: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Каждый очерк насыщен фактами, порой уникальными, но и авторские размышления среди них не теряются. Писатель постоянно обращается к современникам, «в напоминание живым» говорит о необходимости не только сохранять память о защитниках Отечества, но и смело защищать её от нынешних нападков и фальсификаций.

Благодаря книге «Кому ты так обязан», которую в Твери следует выпустить массовым тиражом и отправить по библиотекам, калининские партизаны и сегодня остаются в строю, на переднем крае борьбы за национальные интересы, помогают укреплять духовную мощь России.

Александр БОЙНИКОВ

• Письмоносец

После просмотра номеров издания зашёл на сайт «Двинского бережка» - сделан красиво. Можно создателю сайта сказать спасибо.

**Александр Буковский,
Москва**

Прочла июльский номер вашей газеты. Спасибо. Кирпичёв лично для меня - открытие (весьма приятное); бойниковский

текст абсолютно уместен; к работам Урсу всегда относилась с нежностью; «золотой запас» тоже считаю архимуственным.

С уважением,
**Татьяна Михайлова,
Тверь**

«Двинский бережок» подобен увлекательному путешествию, когда взору открывается многообразие мира и человеческих судеб.

Здесь находится место площадкам для выражения политических взглядов, критических высказываний, поэтическим аренам для демонстрации творческих талантов, мостикам в историческое прошлое родного края и страны. Желаю создателям «Бережка» успехов.

**Светлана Виноградова,
Нелидово**

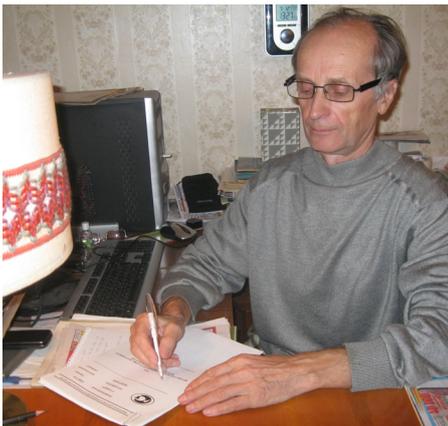

К СТОЛЕТИЮ АНДРЕАПОЛЬСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ №1

Специалист по вибрациям и шуму

ЗНАМЕНИТЫЙ Воен-мех (Ленинградский военно-механический институт) в Санкт-Петербурге сейчас называется Балтийским Государственным Техническим университетом имени Д.Ф. Устинова. В нем преподает наш земляк Геннадий Михайлович Курцев.

Родился он 30 августа 1948 года в г. Андреаполе. Старожилы помнят его родителей – скромных тружеников Михаил Семеновича (он был ревизором райсельхозуправления, а затем завхозом межколхозлесхоза) и Прасковью Ефимовну (она работала в столовой). В 1966 году Геннадий окончил Андреапольскую школу и поступил на механический факультет Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта.

После окончания ЛИЖТа Геннадий пять лет работал инженером и старшим инженером в проектном институте «Ленгипротранс» на должность старшего научного сотрудника и поступил на заочное отделение в аспирантуру ВНИИ

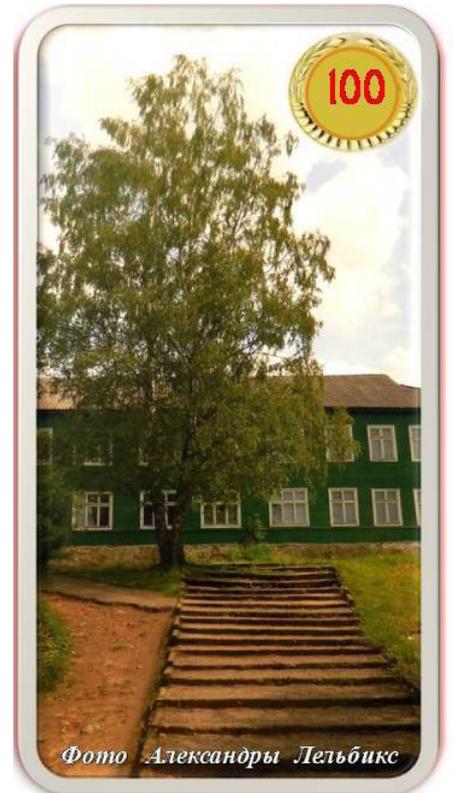
«Земмаша». В 1980 году он защитил в Ленинградском политехническом институте кандидатскую диссертацию на тему «Расчет ожидаемой шумности строительных дорожных машин». После того как научный руководитель Курцева ученый с мировым именем, профессор, доктор технических наук заслуженный деятель науки Н.И. Иванов перешел на работу в Военно-механический институт, в этом же престижном вузе стал работать доцентом кафедры «Экология и безопасность жизнедеятельности» и Геннадий Михайлович Курцев.

Г.М. Курцев – автор более чем пятидесяти научных работ, участник многих международных конгрессов по шуму и вибрации. Его жена Алла Федоровна (рассказано отдельно) и их дочь Елена Геннадьевна также кандидаты наук.

Вирусолог с мировым именем

ПОЛВЕКА назад в деревне Ключевое насчитывалось свыше двух десятков дворов, были школа-семилетка, клуб, библиотека, магазин, почта, медпункт. Сейчас в Ключевом осталась лишь одна семья Ивановых и память о людях, которым эта земля дала путевку жизнь. Среди них - ученый-вирусолог с мировым именем В. В. Месяжинов.

Родился Вадим Викторович в этой деревне 11 мая 1940 года. Его мама Александра Дмитриевна работала фельдшером. Окончив Андреапольскую среднюю школу, Вадим поступил в Московский судомеханический техникум. После его окончания трудился в г. Петропавловске-Камчатском районным инспектором рыбоохраны Морской инспекции Камчатгосрыбвода, затем - рай-

онным инспектором рыбоохраны Центргосрыбы в г. Калинин. В 1962 году поступил на биолого-почвенный факультет МГУ, где впоследствии защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

В 1980-е - 90-е гг. Вадим Викторович работал заместителем директора по научной работе одного из самых крупных в мире научно-исследовательских учреждений в области вирусологии и молекулярной биологии - Института вирусологии имени Д.И. Ивановского РАМН. Заведующий лабораторией молекулярной биоинженерии Института биохимической химии им. М. М. Шемякина и Ю. А. Овчинникова РАН (с 1997 г.), член редколлегии ежегодника «Успехи биологической химии», выпускаемого Институтом биохимии РАН. Обладатель звания Соросовского профессора (1998), обладатель гранта Лондонского королевского общества (именной грант Капицы, 1993), лауреат премии имени А. Н.Баха за цикл работ «Структура и механизмы фолдинга фибриллярных суперспиральных белков» (1999), двукратный (окончание на стр. 13).

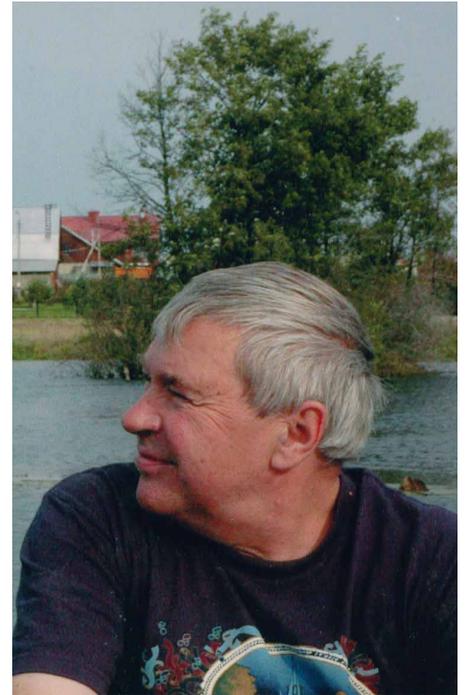
(начало на стр. 12).

обладатель гранта международной программы Медицинского института Говарда Хьюза (1995 и 2000 гг.). Работал в крупнейших мировых научных центрах, таких, как Биоцентр в Базеле (Швейцария), Университет в Боулдере (штат Колорадо США), Совет по проведению медицинских исследований (Medical Research Council) в г. Кембридж (Великобритания Включен в список самых цитируемых российских ученых по версии www.expertcoops.ru (индекс Хирша 23).

Он автор более ста научных статей и публикаций в отечественных и международных научных журналах. В аннотации к научной работе В.В. Месянжинова отме-

чается: «Его работы по структуре белков и регуляции сборки бактериофага Т 4 имеют общебиологическое значение и вошли в учебники по вирусологии и молекулярной биологии». Под руководством Месянжинова защищены 22 кандидатские диссертации и одна докторская. Любопытная деталь: одним из первых учеников Месянжинова был поэт-песенник Борис Баркас, автор песни «Арлекино».

Вадим Викторович отец двух детей. Они занимаются научной и преподавательской деятельностью. Дмитрий - профессор философии, живет в США, в городе Хьюстон, где занимается муниципальным планированием. Александра преподает в МГУ.

Вологодский опыт

Активную просветительскую деятельность ведут вологодские писатели. Они выпускают свою газету «Вологодский литератор», где публикуются не только местные авторы, но и писатели, поэты из соседних регионов. Кроме того, регулярно издается литературно-художественный журнал «Вологодский Лад». Представить подобное в Твери невозможно. Здесь писатели, голос которых в культурной жизни едва слышен, не имеют даже своего помещения, в то время как в распоряжении их вологодских коллег находится прекрасный старинный особняк.

Примечательно, что свежий выпуск «Вологодского литератора» открывается публицистической статьей «Нам нельзя то потерять» на темы культуры тверского писателя Валерия Кириллова. А в свежем номере «Вологодского Лада» с интересными воспоминаниями о поездке в деревню Тимониха к Василию Ивановичу Белову выступает писатель Геннадий Сазонов, родившийся и получивший путевку в литературную жизнь на тверской земле. Сейчас он, автор 30 книг, проживает в Вологде.

• Редкие песни

СЕРОГЛАЗЫЙ

Ходят с парнями, встречаются девчата
Возле речки у черемухи густой.
А тебя, мой сероглазый, не встречала я ни разу –
Ты черемуху обходишь стороной.

Отчего тебе не весело со мною?
Отчего ты отворачиваешь взгляд?
Ведь пригожа я собою, не обижена судьбою –
Так во всей округе люди говорят.

Так лети же моя песенка девичья,
Другу милому скажи, не утай,
Что любовь свою не скрою, что о ней лишь за рекою
Все поют до ранней зорьки соловьи.

Ходят с парнями, встречаются девчата
Возле речки у черемухи густой,
А тебя, мой сероглазый, не встречала я ни разу –
Ты черемуху обходишь стороной.

«УГОСПОДА ПРОСТЫХ РЕШЕНИЙ НЕТ...»

РАНЕНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Мы, русские, теперь нечасто
И чаще в горестный, чем в добрый
Но женщина в платочке чище
В наш город привезла свой фильм
Алания. Страна ветров и башен,
Чинар тенистых, грифов в выси
Тверским гостям давно уже не
Гостеприимный сунженский
А в прошлом здесь разыгрывалась
Что в наших душах болью
За век до появления ислама
Здесь был растерзан православный
Славянский богатырь – синоним
Надежда угнетаемых сердец.
Но заклеимён проклятьем, как
В веках наш брат по крови
Старейшин старше на Кавказе
И мудрость не родится в суеде.
Так через горы просочилось горе:
Князь выдан хану братом во
Князь Михаил Тверской был
Своей земли, а Юрию цена?
Его звала не воинская доблесть –
От слов до дел у местных путь
У них и мальчик – воин, а не раб.
Отряд стремится под покровом
Героя вырвать из кровавых лап.
Но никогда заложников не бросит
Окрепший в вере муж, отец,
И чёрное крыло своё заносит
Над сердцем кровь свою
На окровавленной ладони зверя
Оно трепещет семь веков подряд.
Вершины гор, глазам своим не

Татьяна Михайлова

г. Тверь

Переводчик, журналист, автор девяти книг. Член жюри международного поэтического конкурса «Согласование времен» (Германия, 2012: председатель жюри Кирилл Ковальджи). Обладатель памятной медали Министерства обороны РФ за участие в конкурсе «Герои Великой победы» 2016. Стихи печатались в журналах «Связь времен» (США), «Север» (Петрозаводск), «Юность» (Москва), «Южная звезда» (Ставрополь) и др., в сборнике «Лауреаты литературных премий. Поэзия» (серия «Классики и современники», Москва, 2017). Статьи публиковались на английском языке, стихи – на польском (переводчик Александр Навроцкий, гл. редактор журнала «Poezja dzisiaj» («Поэзия сегодня»), Варшава).

С тех пор в безмолвье раненом
Здесь тучными одни лишь тучи
Пейзажи непорочней, чем луна.
Стройна и с именем цветка,
Здесь место казни женщина одна.
Мы с ней в тверском чужие
Уже располовинившие жизнь...
Мы ничего друг другу не сказали,
Но, сдерживая слёзы, обнялись.

ВОСХОЖДЕНИЕ К СЛАВЕ

Будь проклята, война – наш звёздный час.

Михаил Рошин

Я это видела на сотнях лиц:
Что потрясло, то помнится нам
Есть город Ржев. Во Ржеве –

Над глубоко внизу гудящей
Волгой.
Бои кипели страшные. Тогда
Здесь с берега чужие пулемёты
Косили снизу прущую пехоту,
В бессмертье отправляя навсегда.
Но кто ж простит надменному
Хотя бы литр солдатской русской
В ней – ничего, патриотизма кроме
Да ненависти к тем, на берегу.
Год, полтора... Военный неуют.
Вниз тянет автомат. И пусто в
Но с горя почерневшие старухи –
Сорокалетние – живыми ждут.
Нас год назад не пули жгли –
Но снизу вверх непросто
Не то что влезть, и жизнь не
Красноармейцев торопила смерть.
И поднялись. И над Берлином –
Победы, на парадах – ордена...
Но с братских кладбищ мёртвыми
Всё шепчут: «Будь ты проклята,
война!».

* * *

Копать могилу в дождь непросто и
Лопата вязнет, и скользит штиблет.
Но ясно и своим, и пришлым
У Господа простых решений нет.
Она, как все, работала, рожала,
Болячки оставляла на потом.
Дом в чистоте привычной
Хотя богатым не был этот дом.
И вот инсульт и смерть. Дожди
Её оплачут и пройдут опять.
Новопреставленной рабе Марии
Отныне по другим садам гулять.
Не по земным. По выстрадаанным,
Где разнотравья нет – лишь
В привычной чистоте
Звучит над ней прощальная
Устав от слякоти земной могилы,
Убрав лопаты, парни-крепьши
По-русски – рюмкой – восстановят
За упокой её живой души.

• Реплика

Странная непонятливость

ПРОЧИТАЛ беседу с писателем Захаром Прилепиным «Мы уже победили!» в газете «Завтра» (№27, 2017). С одобрением отношусь к тому, что он помогает сопротивляющемуся Донбассу, но наводят на размышления некоторые его высказывания. Например: «За нищенские деньги, совершенно непонятные москвичу, - 16000 рублей, - 26-тысячная армия ополчения в течение трех лет сражается и умирает, отдавая за наивысшие человеческие ценности собственную жизнь», «Совершенно поразительно, когда люди депрессируют, впадают в панику, пребывая в мирных городах с отличными зарплатами. А люди, которые ничего не имеют за душой, в любую секунду могут получить смертельный удар или увечье, пребывают в отличнейше настроенности духа. Это поразительно! Привыкнуть к этому невозможно».

Почему для Прилепина «это поразительно» и «привыкнуть к этому невозможно»? Ведь в психологии истинно русского человека «отличная зарплата» и любовь к Отчеству, готовность его защищать вещи нетождественные. По своему духу он не коммерсант, а государственный. Русский ли писатель Прилепин, если его поражает, что русские люди без «высокой зарплаты» «пребывают в отличном расположении духа» и, защищая русский мир, достойно противостоят про-

нацистскому киевскому режиму?

А вот еще один фрагмент беседы: На вопрос: «Почему наши «интеллигенты» так яростно и оголтело поддерживают украинских нацистов, хотя в большинстве случаев это им не с руки?» Захар отвечает: «Я три года на эту тему размышлял, но ответа так и не нашел». Между тем ответ очевиден – «новая интеллигенция» в «новой России» изначально создавалась как русофобская (примеров несть числа), отсюда и ее солидарность с украинскими русофобами. Захару ли (по представлению СМИ, не только писателю, публицисту, филологу, но и актеру, композитору, певцу, ведущему телепрограмм, клипмейкеру, общественному и политическому деятелю, благотворителю, философу, режиссеру, рэперу и т.д.), поработавшему в «Новой газете» и на телеканале «Дождь», этого не знать?

Думается, большинство русских писателей, отправленных олигархатом еще в 90-е в состояние внутренней эмиграции, не имеющих (в отличие от Прилепина) доступа к влиятельным СМИ и работающих во благо России без всякой зарплаты, премий, грантов, а по зову сердца, понимают не только причину «непонятности» Прилепина, но и того, почему премии и другие благодетельствования на него сыпятся словно из рога изобилия.

Согласно Википедии, в ок-

тябре 2014 года Прилепин вошел в число ста людей года в России (по данным журнала «Русский репортер»). В ноябре занял восьмую строчку в списке самых перспективных политиков России (согласно исследованиям близкого к Кремлю Института социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ). В апреле 2015 года в аналогичном списке поднялся уже на пятую строчку. В том же апреле роман Прилепина «Обитель» занял первую строчку в рейтинге самых продаваемых книг года по данным сайта «Pro-Books.ru». Согласно результатам опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2015 году Прилепин занял вторую позицию как «Писатель года в России» (уступив Дарье Донцовой).

В 2016 году, по опросу ВЦИОМ, как «Писатель года в России» Захар Прилепин разделит третье место с Борисом Акуниным, Александром Прохановым и Виктором Пелевиным, а по данным компании «Медиаалогия», стал самым упоминаемым в СМИ писателем, опередив Андрея Усачева и Людмилу Улицкую. Если так дело пойдет и дальше, то у Захара (Евгения) Николаевича есть все шансы опередить «акул пера» Донцову (уже сто романов наштамповала), Акунина и Улицкую. Все к тому идет. Вот это будет успех!

С. НИКОЛАЕВ

На 44-м Грушинском

Традиционный, уже сорок четвертый, Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина прошёл в этом году с 29 июня по 2 июля в Самарской области в районе Мастрюковских озёр.

Аномальная погода внесла свои коррективы в ход фестиваля – холодные (до +8) ночи и дождливые дни отпугнули многих любителей авторской песни от ночёвок на природе, и на фестивальной поляне в этом году собралось «всего лишь»

двадцать с лишним тысяч человек. Впрочем, на качестве фестиваля это никоим образом не сказалось. Состоялись все запланированные мероприятия, работали все заявленные сцены и творческие мастерские.

Что же касается фестивального конкурса, он в этом году ни по количеству, ни по географии участников ничуть не уступал конкурсам прошлых лет: членам фестивального жюри пришлось выбирать лучших из нескольких сотен номинантов – представителей почти всех регионов России и многих стран ближнего и даль-

него зарубежья, начиная с соседней братской Белоруссии и заканчивая далёкой экзотической Австралией. И в этой связи особенно приятно отметить, что лауреатом поэтического конкурса 44-го Грушинского фестиваля стал наш земляк Владимир Юринов. Владимир уже много лет ездит на Грушинский фестиваль, неоднократно в номинациях «автор» и «поэт» доходил до финала и наконец в этом году добился заслуженного успеха.

Золотой запас

Анна Ахматова

(1889-1966)

* * *

Нам свежесть слов и чувства

простоту

Терять не то ль, что живописцу —

зренье

Или актеру — голос и движенье,

А женщине прекрасной —

красоту?

Но не пытайся для себя хранить

Тебе дарованное небесами:

Осуждены — и это знаем сами —

Мы расточать, а не копить.

Иди один и исцеляй слепых,

Чтобы узнать в тяжелый час

сомненья

Учеников злорадное глумленье

И равнодушные толпы.

23 июня 1915 г.

Слепнево

Валентин Сорокин

(Род. в 1936 г.)

* * *

Звезда полей не падает во тьму,

Давным-давно кукушка не кукует.

Хандра тревожит грудь, и не

пойму

Души своей, зачем она тоскует.

Вот где-то застучали топоры,

И высоко, над горизонтом

скользким,

Качнулся месяц всадником

монгольским,

Знать, конь его споткнулся у горы.

Земля моя, вновь чувствую не зря,

Как ветер белых лебедей уносит,

В холодных водах плещется заря

И осень тихо обогреть просит.

Я ничего пока не потерял,

И впереди несметное

пространство

Ждёт наших встреч, любви и

постоянства,

Ведь ими так тебя я уверял!..

И в этот мир восторженность

принёс.

И клялся я, и кланялся не многим,

И тайну мига постигал в дороге,

Клик вечности распознавал у

звёзд.

1974 г.

Марина Цветаева

(1892-1941)

* * *

Бежит тропинка с бугорка,

Как бы под детскими ногами,

Все так же сонными лугами

Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,

Спешат удары за ударом,

И все поют о добром, старом,

О детском времени они.

О, дни, где утро было рай

И полдень рай и все закаты!

Где были шпагами лопаты

И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?

Что между нами пролегло?

Все так же сонно-тяжело

Качаются на клумбах мальвы...

1911 – 1912 гг.

Лев Котюков

(Род в 1947 г.)

ИМЯ МОЁ

Моё имя в эпоху упадка —

Стало громом среди ясного дня —

И, сожрав мою жизнь без остатка,

Кое-как нынче кормит меня.

А когда-то душа моя пела,

Не пугаясь громовых высот... —

Но, чтоб имя моё прогремело, —

Я уделал себя, как урод.

Ухмыляется недруг лукавый,

И, ни грома, ни ясного дня... —

И, сожрав мою жизнь ради славы,

Имя нынче живёт без меня.

А в садах, где душа моя пела,

Оголтело орёт воронья...

И не я — себя сделал-уделал, —

Это сделало имя моё!

А казалось, мы были родными!

Оказалось, навек неродня...

И живёт без меня моё имя, —

Так, как жило оно до меня...